

Андрей Устинов
Center for Open Studies (Сан Франциско)
abooks@gmail.com

Игорь Лошилов
Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
loshch@yandex.ru

Andrei Ustinov
Center for Open Studies (San Francisco)
abooks@gmail.com

Igor Loshchilov
Institute of Philology of Siberian Branch of
Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)
loshch@yandex.ru

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ И БЕЛЫЙ СТОЛ:
«ЧИНАРИ», «РАДИКС» И КАЗИМИР МАЛЕВИЧ

BLACK SQUARE AND WHITE TABLE:
“CHINARI”, “RADIX” AND KAZIMIR MALEVICH

Работа посвящена реконструкции истории взаимоотношений поэтов Ленинграда, входивших в авангардные группировки «Левый Фланг» и «Радикс» с Казимиром Малевичем и его учениками в 1926 — начале 1927 года. Авторы обращают внимание на неутомимую организационную деятельность Даниила Хармса по консолидации «левых сил» и объединению друзей и единомышленников в творческие группы на фоне отношений будущих обэриутов с Институтом художественной культуры (ГИНХУК) и Институтом истории искусств (ГИИИ).

Ключевые слова: Казимир Малевич, Даниил Хармс, «Левый фланг», «Радикс», Николай Заболоцкий, Игорь Бахтерев, ГИНХУК, ГИИИ.

The essay reconstructs the history of relations of the Leningrad poets, that belonged to the avant-garde collectives “Left Flank” and “Radix” with Kazimir Malevich and his students in 1926 — early 1927. The authors draw attention to the unstoppable organizational activities of Daniil Kharms in consolidating the avant-garde forces and uniting friends and collaborators into creative groups against the background of the Leningrad Institute of Artistic Culture (GINKhUK) and the Institute of Art History (GIII).

Keywords: Kazimir Malevich, Daniil Kharms, “Left Flank”, “Radix”, Nikolay Zabolotsky, Igor Bakhterev, GINKhUK, GIII.

Памяти Игоря Владимировича Бахтерева

Я спросила:
 сколько время?
 он ответил:
 белый стол.

Игорь Бахтерев

Художник — поэт. Но какое зеркаль-
 ное сердце будет позировать ему?

Казимир Малевич

21 марта 1927 года Казимир Малевич писал из Варшавы своему ученику и в те годы преданному последователю, художнику Константину Рождественскому (1906–1997):

Дорогой Рождественский.

Необходимо Вам найти Чинарей и сказать им, чтобы они собрали лучшие свои стихотворения тож<е> и <Моя. — А. У., И. Л.> Мама <sic!> вся в ча-сах и прислали на “Praezens”¹, я хочу связать их с Польскими поэтами.

Скоро пришлю Вам вс<ем> печать обо мне. Теория Приб<авочного> Элем<ента> будет печат<аться> на двух языках. Работаю в линии Теор<ии> приб<авочного> элем<ента>.

Кажется, будем иметь успех как о новой сист<еме> мышлен<ия> в обл<асти> Искусств.

Деньщик <sic!> Новиц<кий> провалится.

Сегодня объезд на автом<обиле> и осмотр работ Pr<a>ezencistow. Точь <в> точь, как и Вас осматриваю, но чорт бы его побрал, меня все боятся, и один, например, нашелся спорщик, и за то, что неправильно ставил вопросы, так влетело от остал<ьных>, что он бедный извин<ялся> на другой день.

25-го Банкет по сей карточ<ке> приглашения. Черный кофе, ибо я ничего не пью, но черный кофе так здесь обставляется, подпирают разного сорта ликерами и прочим, что получ<ается> целый культ.

Передав<айте> привет всем.

Прив<ет> Лепорской.

Солнце, лето, окна открыты, теплый ветерок дует, небо прозрачное чисто (Малевич о себе 2004а: 185).

Составители двухтомника *Малевич о себе. Современники о Малевиче: Письма. Документы. Воспоминания. Критика* Татьяна Михиенко и Ирина Вакар, чей титанический труд вызывает истинное восхищение, своими

Мы признательны Anita Hubdank-Kolaczowska и Zbigniew Stanczyk за помощь в подготовке настоящей работы. Отдельная благодарность Geurt Imanse, заведующему исследовательским отделом Стеделик Музеума (Амстердам).

¹ Правильно: PRAESENS. Kwartalnik modernistów. Журнал издавался в Варшаве (административный адрес: Warszawa, Senatorska 38–13), в состав редакции вошли Хенрик Стажевски (живопись), Шимон Сыркус (архитектура) и Хелена Немировска Сыркус (секретарь редакции). Первый номер *Praesens* вышел в июне 1926 года.

комментариями предоставили необходимый контекст для интерпретации этого письма Малевича, хотя текстология его и меняется от издания к изданию². Даже несмотря на высказанное заверение, что эта публикация осуществлена «по автографу», отдельные конъектуры вызывают некоторое сомнение, особенно, если учитывать эпистолярные особенности Малевича на основании материалов, сохраненных Николаем Харджиевым и архивистами Стеделик Музеума в Амстердаме.

Вот почему здесь — крайне осторожно — предложена иная версия прочтения этого первого письма художника из Варшавы, что отнюдь не умаляет текстологических намерений публикаторов. Тем более, в интродукции «От составителей» они обращают специальное внимание на благосклонное участие самого адресата:

Особой удачей представляется нам сотрудничество с К. И. Рождественским, до конца жизни сохранявшим, несмотря на преклонный возраст, прекрасную память и ясность мысли. В общении с ним поражало полное доверие и желание поделиться малейшими подробностями, вспыхивавшими, иногда неожиданно для самого Константина Ивановича в его памяти. Но еще более важным было понимание им личности Малевича, внутреннее созвучие с его индивидуальностью (что в свое время отмечал, например, Л. А. Юдин). Рождественский не просто вспоминал, но помогал проникнуть в логику некоторых высказываний мастера, в ход его мысли; вот почему, несмотря на первоначальные протесты мемуариста, в одном из материалов мы сохранили форму интервью, причем наиболее ценным в нем, на наш взгляд, является именно объяснение, расшифровка случайно оброненных фраз или шуток Малевича. На прямолинейный вопрос: «А что он этим хотел сказать?» — Константин Иванович отвечает серьезно и подробно, расширяя и углубляя проблематику того или иного конкретного разговора с учителем (Малевич 2004а: 6).

Собственно говоря, комментарии Т. Михиенко и И. Вакар к этому письму Малевича в большей своей части как раз и основаны на сведениях, полученных непосредственно от Рождественского, начиная с даты письма: «Датировано К. И. Рождественским (вероятно, по почтовому штемпелю на несохранившемся конверте)» (Малевич о себе 2004а: 185; все последующие цитаты даются по этой странице), — и заканчивая необходимым пояснением, что, хотя это письмо известно с тех пор, как оно было опубликовано Василием Ракитиным в каталоге Галереи Гмуржинской “Malewitsch, Suetin, Tschaschnik” (Köln, 1992), оно и прежде «неоднократно зачитывалось К. И. Рождественским на конференциях, посвященных Малевичу, и цитировалось в литературе».

Благодаря разговорам с художником, Т. Михиенко и И. Вакар удалось прояснить и наиболее загадочные составляющие этого письма, написанного 21 марта 1927 года — за неделю до отъезда Малевича из Варшавы.

² Отметим, например, первую в метрополии публикацию этого письма Малевича с пропусками в тексте, осуществленную В. Ракитиным, с эпиграфом, который читается, как посвящение — «Рождественскому, Лепорской...» (Ракитин 1994).

Например, будада относительно «Деньщика Новиц<кого>» — «по словам К. И. Рождественского, Малевич аттестовал так П. И. Новицкого, потому что тот “кланяется перед новым начальством; вообще же он был левой ориентации, такая у него была репутация” (беседа с составителями 25 июня 1997 года)»³. Так комментаторы дают необходимую экспликацию о манере поведения Павла Новицкого (1888–1971): «Неоднократно приходивший на помощь Малевичу и ГИНХУКу в 1924–1925 годах (см. раздел “Документы”), Новицкий, по-видимому, занял уклончивую позицию летом 1926 года, во время развернутой против института кампании» по его уничтожению⁴. Или же пояснение про «карточ<ку> приглашения», о чем мог знать только сам адресат, ибо «по словам К. И. Рождественского, к письму “был приложен пригласительный билет (отпечатанный на плотном белом картоне) на банкет в честь КСМ<алевича>”»⁵.

Более того, письмо художника пересекается со следующей депешей — теперь к адресатам добавлена Анна Лепорская, жена Рождественского тех лет и ученица Малевича. Текст этого письма был «расшифрован и представлен для публикации К. И. Рождественским», но в двухтомнике дата письма указана неверно, поэтому доверимся датировке В. Ракитина⁶. «Привет, пишете, я приехал благополучно, но много нужно еще⁷ работать, —

³ Тем не менее, через два месяца после возвращения в Ленинград (август 1927 г.) Малевич писал Николаю Суетину: «Был Новицкий еще раз. Сказал, что после согласования с Кристи он написал письмо Шмиту о урегулировании со мной отношений. <...> Конечно, надежды у меня мало на урегулирование моих отношений и работы, доверяя у меня нет. Ни Кристи, ни Петрову. Мы попали во власть худ<ожественного> Отдела, в котором сидят самые реакционные обложки <...>. Это и есть душители и вожди реакции в искусстве, это палачи, пробующие с одного маху снять голову Новому искусству. Шмит и Назаренко — это только мальчишки, помогающие палачам (сподручные)» (*Малевич о себе* 2004а: 194). Как там же пишет в комментарии В. Ракитин, «Новицкий, используя влияние М.П. Кристи и Ф. Н. Петрова, пытался урегулировать отношения Малевича с директором ГИИИ <Ф. И.> Шмитом, но эти интриги в верхах были малорезультативны».

⁴ См. в письме Малевича 1926 г.: «Я хочу сказать, что мы должны идти и развиваться по пути исследования художественной культуры, и только если это исследование выходит в область науки как таковой — наступает их увязка. Нам нужна наука о художествах, т. е. изучение особого вида деятельности человека в его специфической части. <...> Если действовать совершенно объективно через аппарат научности, то поверьте, для художественной культуры это будет один ужас. Сейчас по отношению к аппаратам наступают всеобщий психоз. Был у меня, например, профессор Сидоров, командированный для обследования Института Худож<ественной> Культ<уры>. Первым долгом он поставил мне вопрос, на который просил коротко ответить: “Сколько аппаратов есть у нас в лаборатории?” Он был очень разо<чарован...>» (*Малевич* 2004с: 412).

⁵ Ср. в письме Малевича к Константину Матюшину того же времени: «Передай привет всем твоим. 25<-го> банкет и конец» (*Малевич о себе* 2004а: 185).

⁶ Составители двухтомника ошибочно пишут «2 марта 1927 года. [Варшава]», и так же ошибочно читают автограф: «2 М<арта 19>27 <года>» (*Малевич о себе* 2004а: 184), — в то время, как Малевич выехал в Варшаву только 7-го марта, в понедельник. Напротив В. Ракитин читает автограф иначе: «29 марта 1927 г.» (без конъектур, см.: Ракитин 1994: 438). Если эта дата верна, письмо Рождественскому и Лепорской должно читаться как первое послание Малевича из Берлина, куда он прибыл из Варшавы как раз 29 марта.

⁷ Рождественский предложил не слишком подходящее «здесь <?>»; ср.: (Ракитин 1994: 438).

сообщает Малевич своим ученикам из Берлина. — Настаивайте <?>⁸ на ранней <?> кубистической <?> работе. К. М.» (*Малевич о себе* 2004а: 184).

Следующее послание Малевич отправил Рождественскому уже совершенно точно из Германии во второй половине апреля:

Дорогой Рождественский.

Я получил Ваше письмо, но Юдина этого бойкотиста не получал. Сам же я написал новую небольшую статью, полпечатного листа, и иллюстраций на лист о Супрематизме.

Очень жалею, что сейчас не могу Вам прислать ее, мне кажется, что впервые изложен Супрематизм, очно окончательный конец всему конструктивизму и базе жизни⁹.

Веду большую корректуру среди запутавшихся до мозга конструктивистов, представителей Нового Искусства. Все рады, что я приехал, так же рады, как и Вы, мне кажется, были бы моему приезду.

Мною вскрыта выхолощенность поворачивающего Нового Искусства в сторону целесообразной утилитарности, превратившееся в мертвую изобретательскую штуку и покончившую с Искусством.

Но моя статья делает свое дело. Работа в Германии тем хороша, что сейчас всё это будет известно на целый свет. Если бы Вы знали, как легко и хорошо работать здесь. Чувствуешь себя, как пушинка. Хочется страшно поделиться с вами всеми. Но может быть, некоторые из вас изменились уже, пока я на горé, некоторые заснули. <...>

Супрематизм есть только новый метод знани<я?>, содержанием которого и будет то или другое ощущение. Ощущение голода вызывают одни формы вещей, но они не являются образом голода. Ощущение мистики, звука, цвета, движения, запаха и т. д. будут только ощущения.

Здесь до того сильно ощущение пластики, что архит<екторы> строят дома по картине Сезанна, у меня есть цветной снимок комнаты — сезаннизм с<о> сдвигом кубизма.

Тут вся история начинается, что многие вещи, то, что мы называем утилитарным, вытекают из чистого пластического ощущения искусств.

Много собрал матерьялов.

Сейчас еду на устройство выставки и потому не могу писать, за мной приехали.

Пишите, долго ли еще жизни нашему брату в ГИИ<И> то есть Государственный институт истории искусств (б. Зубовский). — А. У., И. Л.> осталось. Привет всем.

Теория при<авочного> эл<емента> будет издана D<e>ssau Baukunst, Bauhaus.

Но выставить эту научную штуку <?> нельзя, не принято, издают.

К. Малевич.

Berlin.

21 ап<реля 19>27. (*Малевич о себе* 2004а: 186–187).

⁸ Все публикаторы предлагают читать это слово, как «Налегайте», что кажется неоправданным нарушением согласования.

⁹ См. замечание Жан-Клода Маркадэ: «Как известно, К. С. Малевич был бескомпромиссным противником конструктивизма...» (Маркадэ 2000: 171); и следующее пояснение Моймира Григара: «...идеологическая подоплека русского конструктивизма явно находится в родстве с пролеткультовской» (Григар 2000: 231).

Как можно судить из этого письма, в Берлине Малевич целиком погрузился в местные заботы, даже не вспоминая о своем польском визите. В контексте фундаментального двухтомника *Малевич о себе. Современники о Малевиче* его недолговременное пребывание в Варшаве оказывается лишь коротким эпизодом в невероятно насыщенной биографии. Однако, если сместить акценты его самого первого заграничного письма с упоминанием «осмотра работ Pr<a>ezencistow», то на первый план выступает, несмотря на благородное намерение Малевича, не сложившийся альянс польских авангардистов с ленинградскими «чинарями».

К весне 1927 года этот неформальный кружок составили Даниил Хармс, Александр Введенский, Евгений Вигилянский¹⁰, а также Игорь Бахтерев, примкнувший к «чинарям»¹¹, но не принявший этого группового самоопределения¹².

Бахтерев пришел из театрально-художественного коллектива «Радикс», поэтому везде в официальных документах фигурировал как «художник», например, в обращении «Радикса» в ГИНХУК 12 октября 1926 года, найденном Татьяной Никольской в институтском архиве, с просьбой предоставить «театральной группе “Радикс”, экспериментирующей в области внеэмоционального и бессюжетного искусства», как можно скорее «помещение в Белом зале ИХК для лабораторно-репетиционных работ на утреннее время» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 4340. Оп. 1. № 68, л. 9). Среди подписавших это заявление «организаторов “Радикс” <sic!>» фигурируют «художник Игорь Бахтерев», «авторитет бессмыслицы чинарь александрвведенский» и «поэт-чинарь Даниил Хармс»¹³ (Малевич 2004а: 515).

¹⁰ См. заметки Хармса о чтении Вигилянского в записной книжке № 6:

7 Нехорошо

8 — Карты Пафос очень

9 — Хорошо

10 — Диалог

11 — не нравится

12 — Iп<лохо>. IIп<лохо>. IIIх<орошо>. IVхорошо

13 Ранье утро Iп<лохо>. / II хорошо

14 Воздушн<ое?> Iх<орошо> IIо<твратительно?> IIIо<твратительно?> IVо<твратительно?>

V хоро<шо>. Послед<ние> стр<оки?> — аницы?> гл<авы> VI хор<ошо>.

VI хорош<о>

15 — увялость <sic!> не хор<ошо>. Пальто

16 — Не самостоят<ельно>.

17 — Плохо.

Из Джемлы.

(Хармс 2002а: 68; здесь и далее неверные прочтения исправлены нами по автографам и специально не оговариваются; конъектуры везде наши. — А. У., И. Л.).

¹¹ Хармс считал, что для создания поэтической группы вполне достаточно троих, как будто в соответствии с постулатом Б. Пастернака, «Нас мало, нас может быть, трое...».

¹² Впервые Бахтерев упоминается Хармсом в записной книжке № 6 между 7 и 10 мая 1926 г.: «4–91–16 Бахтерев, временно» (Хармс 2002а: 67). См. также запись, сделанную летом того же года: «Хотя я ничего не имею против подождать Игоря? Как ты?» (Там же: 75).

¹³ См. печать в его записной книжке № 6: «ЧИНАРЬ ДАНИИЛ ХАРМС. 1926» (Хармс 2002а: 66). См. также запись последних дней ноября 1926 г.:

Тем не менее пометы Хармса в его записной книжке № 8 о стихотворениях Бахтерева дают представление о нем как о поэте, несмотря на то, что ни одно из этих произведений, написанных к концу 1926 года, не сохранилось:

Игорь Бахтерев

Перед войной

резан три богатыря   д.и. сказать
мы же выпили грудь сосны.   или высказань
Хлеб в мечавом величавом

Швейцов

не мог бутылку по
затылку заболеть.

Глупая кошечка на черных клавишах.

Таракан

Арбуз лопает конфету.

Петушиный словоблуд.

Во всех стихотворениях воспоминание о сильных композиторах и поэт<ах>.

Солнечное затмение
вышел тетя и сказал
по собору рыщет ночь

странник I части

мечтал странник на рассвете
кругом люди золотые
ей стари<к> сказал (Хармс 2002а: 103)¹⁴.

Программа Ритуала «Откидыванья»*)

- 1) Молчание   10 мин.
- 2) Собаки   8 мин.
- 3) Приколачивание гвоздей.   3 мин.
- 4) Сидение под столом и держание Библии.   5 м<инут>
- 5) Перечисление святых
- 6) Глядение на яйцо   —   7 м<инут>.

Паломничество к иконе - - - - 7 = 3+1+3   33+х)

Чинарь александр введенский

исполнить сие обязуюсь <запись рукой А. Введенского. — А. У., И. Л.>.

Чинар<ь> Даниил Иванович Хармс

мимо не прохожу все.

*) Ритуал происходит в тюлевых масках.

(Хармс 2002а: 106; исправлено по автографу Хармса (и Введенского) в записной книжке № 8).

¹⁴ Сам Бахтерев вспоминал, что его знакомство с Хармсом состоялось на студенческом вечере в ГИИИ: «Необходимо для полной ясности сказать еще об одной, самой значительной стороне нашей встречи и дружбы. <...> Я тоже писал стихи. Однажды Хармс

В 1988 году по специальному приглашению Андрея Сарабьянова Бахтерев выступил на конференции, приуроченной к открытию выставки Малевича в Русском музее в Ленинграде, с воспоминаниями «О давнем». В соответствии с обычной для Игоря Владимировича поговоркой, «свою память на далекое прошлое я проверил», его мемуарное повествование, даже в деталях, подтверждается смежными историческими свидетельствами:

Так вот, в 1925 году три студента второго курса театрального отделения учебной части Государственного института истории искусств — Георгий Кацман, Сергей Цимбал и стоящий перед вами, Игорь Бахтерев — твердо решили создать свой театр на совершенно новых художественных принципах, которые жаждали бы на театральных истоках. Тогда же и название нашлось: «Радикс», что, как вам известно, означает «корень». <...> Актеры нашлись и в мастерской <Николая> Фореггера, и среди бездействующих артистов Ленфильма, и среди талантливых участников самодеятельности, а вот литературного материала не было. <...> На помощь пришел наш однокурсник Боба Левин, тоже, как и мы, занятый созданием театра, только еврейского, наподобие Габимы, на древнееврейском языке. <...> Именно он, Боба (впоследствии подписывавший свои книги и сценарии древнееврейским именем Дойвбер), и пришел к нам на помощь.

— Зачем Вам рыскать по библиотечным полкам, — сказал Боба, — обратитесь к Введенскому и Хармсу, они сочинят всё, что вам требуется. Я хорошо с ними знаком и предупрежу о ваших намерениях.

Они не только дали согласие сотрудничать с участниками «Радикса», а вскоре стали нашими близкими друзьями. Времени было мало, актеры торопили, вот мы и решили, что пьесу вернее всего составить из уже дописанных драматических отрывков, прозаических кусков, частично написанных. Пьеса получила название, как и стихотворение Введенского, «Моя мама вся в часах». <...>

Созданную для «Радикса» пьесу-коллаж мы репетировали далеко не в идеальных условиях, у меня в столовой, в приемной в квартире Введенского (его мать была известным врачом-гинекологом¹⁵ и принимала не только в клинике, но и дома). Тогда-то и возникла идея обратиться в ГИНХУК, руководимый, как вам известно, <Казимиром> Малевичем. <...> За несколько лет до изложенных событий я видел в большом Белом зале ГИНХУКа незаслуженно холодно встреченную печатью постановку хлебниковской <«сверхповести»>. — А. У., И. Л.> «Зангези». Лучшего для нас зала можно было не мечтать.

Написали в ГИНХУК заявление. В разговорах о былом Георгий Кацман упоминал, что прошение было написано на царской сотенной бумажке, я же говорил, что это неверно, что писали мы на большом листе, что коллаж заявления отвечал коллажу пьесы и заканчивался всевозможными наклейками,

---

услышал их на студенческом вечере, вот мы втроем и решили, оставив придуманное Введенским название, создать новый “Фланг Левых” и привлечь в него Заболоцкого, Вагинова, прозаика Дойвбера Левина» (*Малевич о себе* 2004б: 351–352).

¹⁵ Как было нами установлено прежде, «Евгения Ивановна Поголецкая-Введенская (1872–1935) мать А. И. Введенского. Известный в 1920–1930-е гг. в Ленинграде врач-гинеколог» (Дневниковые записи... 1991: 532).

возможно, среди них был и кусок сотенной бумажки, не помню. Рывшаяся в архиве ГИНХУКа литературовед Т. Никольская обнаружила наше сочинение. Так я проверил свою память. <...>

«Радикс» обрел крышу. Состоялась первая деловая встреча. Малевич сказал, что пьесу читать не будет, посмотрит «прогон», а вот с предполагаемыми декорациями хочет познакомиться.

Через несколько дней Хармс и я принесли изображение будущей сцены. Малевич долго смотрел на лежавшую перед ним бумажонку, потом сказал:

— Ничего, ничего. Наши художники вам помогут.

Обескураженный, я попросил разрешить показать не только чертеж сцены, но и эскиз <декораций>. — *А. У., И. Л.*> в цвете.

— Это другое дело, — сказал Малевич, оживившись. — По-моему, не нужно украшений, глаз, циферблата и так далее. Чем проще — тем лучше¹⁶.

Поблагодарив за консультацию, мы сказали, что подумаем. Больше разговор о помощи не возникал. Для меня это говорило о многом. <...>

В один из репетиционных дней в зал зашел Малевич. Ему, как он сказал, понравилось то, что читалось <...>. Казимир Северинович пригласил Хармса и меня зайти к нему в кабинет, когда нам будет удобно.

В его рабочем кабинете мы стали бывать то с Левиным, то с Заболоцким¹⁷, чаще одни (Малевич 2004b: 350–352).

Последняя сентенция чрезвычайно показательна в том смысле, что когда Малевич писал Рождественскому о *Чинарях*, в первую очередь он скорее всего имел в виду именно Бахтерева и Хармса. Важную роль здесь играют хронологические детали литературной биографии последнего, поскольку, как заметил Вл. Эрль, «нет нужды повторять, что именно Хармс был центральной фигурой в ОБЭРИУ, — как, впрочем, и во всех предшествующих групповых антрепризах. — <...> хотя наиболее популярными в литературных кругах были то Заболоцкий, то Хармс, то Олейников <...>, — всё же инициатором и застрельщиком большинства обэриутских дел был именно Даниил Хармс» (Вокруг Хармса 1984: <100>). «Группа ОБЭРИУ просуществовала около пяти лет — с конца 1925 до 1931 года, — поясняет Эрль далее. — Сначала это были *чинари* Хармс и Введенский, входившие с 1925 г. в *Орден заумников* А. В. Туфанова; затем, вместе с Заболоцким, Бахтеревым, прозаиком Дойвбером Левиным и режиссёром Г. Н. Кацманом, а также К. К. Вагиновым, они образовали в 1926 г. *Фланг Левых* (или *Левый Фланг*). В марте 1927 г. *Фланг Левых* переименовывается в *Академию Левых Классиков*, а в ноябре того же года — в *Объединение Реального Искусства*» (Там же; курсив наш. — *А. У., И. Л.*).

Первое упоминание нового поэта, примкнувшего к литературной группировке Хармса, появляется в его записных книжках 14 мая 1926 года: «[Завлоцкий] Заболоцкий. Вторник 18 мая. 4 1/2 ч<аса> дня», — а уже на следующей странице записан его тогдашний адрес в Ленинграде: «Ни-

¹⁶ Эскизы декораций к спектаклю «Моя мама вся в часах» пропали. На единственном сохранившемся наброске остался циферблат.

¹⁷ См. ниже.

колай Алексеевич Заболоцкий. Ул<ица> Кр<асных> Зорь, д. 73/75. Мансард<а>, комн<ата> 5» (Хармс 2002а: 69–70).¹⁸ Уподобляясь Бахтереву, Заболоцкий отказался от титула *чинаря*, но стал активно участвовать во всех *чинарских* антрепризах. Исторические подробности этого «промежутка» восстанавливает в своей «Хронике жизни и творчества Даниила Хармса» Андрей Крусанов. Приведем соответствующие фрагменты этого основного жизнеописания:

Конец 1925 — начало 1926. В период организационного оформления группы заумников в рамках ЛО ВСП <Ленинградского отделения Всероссийского Союза поэтов. — А. У., И. Л.> «чинари» Введенский и Хармс, желая обособиться от Туфанова, настояли на отказе от названия «заумники», предложив другое — *Левый Фланг* <курсив наш. — А. У., И. Л.>.

17 сентября <1926>. Хармс допущен к экзаменам по киноотделению Курсов искусствования при Государственном институте истории искусств (ГИИИ). Знакомится с членами театрального коллектива «Радикс» И. В. Бахтеревым, Г. Н. Кацманом, С. Л. Цимбалом. ГИИИ располагался по адресу: пл. Воровского (ныне Исаакиевская пл.), <д.> 5.

21 сентября <1926>. Хармс отметил в записной книжке: «Начали писать драму». Речь идет о пьесе-монтаже Хармса и Введенского «*Моя мама вся в часах*» (текст неизвестен), которая предназначалась для театрального коллектива «Радикс».

22–23 сентября <1926>. Хармс отметил в записной книжке: «Писали вещь. Ряды» (Крусанов 2004: 424–425).

Здесь необходим ской: если принять во внимание отмеченное Бахтеревым участие Заболоцкого в новом *Левом Фланге* (без Туфанова), то, наверное, резонно предположить, что оговорка *Ряды*, сделанная явно для того, чтобы подчеркнуть эффект *серийности* в коллективной вещи «*Моя мама вся в часах*»¹⁹, могла послужить именно той жанровой подсказкой,

¹⁸ На следующей странице в той же книжке появляется запись: «Яшка Друскин <sic!>. 1–99–44» (Хармс 2002а: 71), — более, чем через полгода, как Введенский и Хармс ввели провозгласили себя *чинарями*.

¹⁹ См. замечания Сергея Сигея относительно коллективного творчества *чинарей* на примере стихотворения «ПоллОТёрам или ОНАНистАм», авторство которого Я. Друскин приписывал Игорю Терентьеву (см.: Введенский 1993: 218). «Представляется, что включая это стихотворение в *Собрание сочинений* Александра Введенского, Михаил Мейлах был отчасти прав... — пишет Сигей. — отдельные части этого произведения действительно принадлежат Введенскому <...>... другое дело, что в стихотворении есть части, никак не соотносимые с общим представлением о творчестве Введенского, пусть даже раннего... и здесь необходима, вероятно, некоторая доля смелости, чтобы утверждать принадлежность таковых частей совсем другому поэту и другу Введенского — Даниилу Хармсу... <...> так что же такое перед нами? на этот вопрос есть самый простой и исторически точный ответ: перед нами — *изысканный труп*... совместные стихотворения французских поэтов дада и сюрреалистов со времени возвращения Валентина Парнаха из Парижа были безусловно предметом обсуждения в литературных кругах России, а публикации в журнале «Современный Запад» только упрочили идею коллективного творчества... поэтому вполне можно представить Введенского и Хармса в роли соавторов, стремящихся выработать другую (пусть и заумную, но не футуристическую) эстетику

которое у Заболоцкого примет форму *Столбцы*. Впервые в его поэтическом творчестве такое определение возникнет в «Столбце о черкешенке», написанном 30 января 1927 года — меньше, чем через три месяца после завершения репетиций спектакля «Моя мама вся в часах». В дополнение к рассказу «О давнем», Бахтерев приводил единственные запомнившиеся строчки из этой *пьесы*: «...перед глазами вставала одна и та же загадочная личность, сутулая, с рыже-красной бородой, в длиннополом сюртуке, в черном высоковерхом картузике. “Борода моя, бородка, ты цветешь у подбородка, алой розой-кумачом, так, что носу горячо!” И еще: “Гарфункель входит поперек. Трубит Гарфункель в тайный рог”» (Бахтерев 1984: 57–58)²⁰.

Подробнее об обстоятельствах инсценировки вспоминал в 1978 году постановщик Георгий Кацман:

Долго не могли подобрать начало. Заболоцкий предложил в качестве начального куска свой «Офорт» («И грянул на весь ослепительный зал...»), но сочтено было, что в нем чересчур чувствуется лицо Заболоцкого. В результате открывала спектакль «танцовщица-каучук» Зина Бородина: выходил актер с марлевым узелком, который все присутствующие на сцене пинали, за который все зацеплялись, пока он не развязывался и из него не появлялась Зина, исполнявшая серию каучуковых номеров-трюков. <...>

Первые репетиции проходили на квартирах, главным образом у Бахтерева и Введенского. Довольно скоро, однако, возникла необходимость в настоящем помещении. Вопрос этот обсуждался, когда все собрались в очередной раз у Бахтерева. Введенский взялся организовать связь с Инхуком. Тут же на пятисотрублевой николаевской ассигнации постановщик написал заявление Малевичу, в котором говорилось, что он собрал группу и хочет поставить сценический эксперимент с целью установить, что такое театр. Заявление было завязано в «старушечий узелок», позвонили Малевичу и сейчас же к нему отправились. План Малевичу поправился, он сказал: «Я старый безобразник, вы молодые, — посмотрим, что получится». Заявление понравилось ему еще больше, он тут же написал на нем резолюцию коменданту, и «Радикс» получил в свое распоряжение Белый зал Инхука и много подсобных помещений. На третий день после начала репетиций Малевич попросил представить план работы; план был им одобрен.

<...> Оформление делал Бахтерев, в частности, «романтическую» декорацию, изображающую «мост через Санкт-Петербург», уходящий куда-то в небытие. На заднике был изображен клодтовский конь; синхронно с восклицанием одного из актеров переворачивался купол Исаакиевского собора. Занавес был разрисован человеческими глазами, как это было у Введенского в комнате, где глазами разрисованы были стены, а вместо люстры висел семейный портрет... (Введенский 1993: 129–131).

и опирающиеся в этих попытках на новейшие европейские известия... <...> обращение Введенского и Хармса к опыту “La cadaver exquis” (пусть единичное) только подтверждает способность русских поэтов работать в русле международных тенденций...» (Сигей: 222–224).

²⁰ Необходимо отметить, что в списке «главных ролей» спектакля «Моя мама вся в часах» персонаж по фамилии «Гарфункель» не числится (см.: Введенский 1993: 133).

Вернемся к хронике «промежутка» осени 1926 года:

24 сентября. Хармс отметил в записной книжке: «3 ч<аса> д<ня> <В. М.> Дешевов²¹. Ночь у Бахтерева». Бахтерев жил по адресу: ул. Некрасова, <д.> 60, кв. 81. <...>.

26 сентября. Вечером (19 ч.) на квартире Бахтерева состоялся сбор актеров, приглашенных для участия в постановке пьесы «Моя мама вся в часах».

27 сентября. Хармс отметил в записной книжке: «Совещ<ание> утром с Бахтер<евым>. 7 ½ у Дешеева. Ночь у Введенского. У <Э. А. Русаковой>». В.М. Дешеев проживал по адресу: Адмиралтейская наб<ережная>, <д.> 6, кв. 31; Введенский проживал по адресу: Съезжинская ул., <д.> 37, кв. 14.

28 сентября. Хармс отметил в записной книжке: «12 ч. д<ня>. <П> — Репетиция <то есть самая первая репетиция инсценировки «Моя мама вся в часах»>. — А. У., И. Л.>. Сходить к Заболоцкому...». <...>.

29 сентября. Хармс отметил в записной книжке: «<...>. 1 <час> дня. <П> Репетиция <спектакля «Моя мама вся в часах»>. 2 <ч. дня> у композ<итора> Мравинского». Е. А. Мравинский проживал по адресу: Кирочная ул., <д.> 6, кв. 5. <...>

1 октября. Хармс отметил в записной книжке: «Сходить к Заболоцкому. III Репетиция 11 ч.».

2 октября. В 11 ч. утра на квартире Бахтерева состоялась четвертая репетиция спектакля «Моя мама вся в часах». <...>.

5 октября. Хармс отметил в записной книжке: «12 ч. Переписка ролей. У Т. А. М<ейер>». Мейер проживала по адресу: Кронверкская ул., <д.> 23, кв. 71.

6 октября. На квартире Бахтерева состоялась пятая репетиция спектакля «Моя мама вся в часах»²².

7 октября. Хармс отметил в записной книжке: «Утр<ом> у меня Заболоц<кий>. Веч<ером> у меня Ленька <Л. С. Липавский>²³. Нап<исал> стихотворение «Поездка в Тулу» <текст утрачен>».

8 октября. В 13 ч. у Введенского состоялась шестая репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».

11 октября. Хармс отметил в записной книжке: «К Марковым. Репет<иция у> Бахтерева 2 ч. <дня>»²⁴.

13 октября. В 11 ч. <утра> у Введенского состоялась очередная репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».

²¹ Композитор Владимир Михайлович Дешеев (1889–1955) рассматривался как один из авторов музыки для инсценировки вещи «Моя мама вся в часах». Впервые он отмечен Хармсом в записной книжке № 6 летом 1926 г.: «1–69–15 Дешеев Вл. Мих.» (Хармс 2002а: 72). Другие кандидатуры Хармса — Михаил Семенович Друскин (1905–1991), одноклассник и приятель А. Введенского и Л. Липавского; см. отметку Хармса в той же записной книжке: «Телефон М. Друскина 2–32–59» (Там же: 75). А также Евгений Александрович Мравинский (1903–1988) — ср. пометку Хармса 29 сентября 1926 г. в записной книжке № 7 (Там же: 78).

²² Ср. запись Хармса: «Репетиция (Бах<терев>) V. У <М.> Друск<ина> в 9 ч. в<е-чера>...» (Хармс 2002а: 78). Как следует из записи в понедельник, 4 октября, намеченная у Бахтерева репетиция не состоялась по уважительным причинам: «Попойка. 12 ч. Репет<иция у> Бахт<ерева> в 12 ч.» (Там же).

²³ Ср. также пометку в записной книжке № 8: «Леонид Савельевич Липавский. 15 февраля 1904 года» (Хармс 2002а: 104).

²⁴ Ср. запись предыдущего дня: «[Репет<иция> VI.] <М.> Друскин. [у Друскина утром.]...» (Хармс 2002а: 79). Далее Хармс отказывается от порядковой нумерации репетиций инсценировки.

14 октября. На заседании правления ГИНХУКа обсуждалось <поданное 12 октября. — А. У., И. Л.> заявление театральной группы «Радикс» о предоставлении для репетиций Белого зала Института. Решено зал предоставить.

15 октября. Хармс отметил в записной книжке: «К 12 ч. Узнать о Союзе <поэтов> и ждать Заболоцкого. С 2 ½ <часов пополудни> в Музее И<нститу-та> Х<удожественной> К<ультуры>».

16 октября. В 14 ч. у Бахтерева состоялась очередная репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».

18 октября. В 11 ч. <утра> в ГИНХУКе состоялась очередная репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».

20 октября. В 14 ч. в ГИНХУКе состоялась репетиция спектакля «Моя мама вся в часах».

21 октября. В 13 ч. в ГИНХУКе состоялась репетиция спектакля «Моя мама вся в часах». На этот день Хармс поместил в записной книжке: «Сходить к Заболоцкому».

22 октября. В 13 ч. в ГИНХУКе состоялась репетиция спектакля «Моя мама вся в часах». В тот же день Хармс отметил в записной книжке: «Союз Поэтов <I>».

26 октября. В 13 ч. в ГИНХУКе состоялась репетиция спектакля «Моя мама вся в часах»²⁵. К репетиции Хармс отметил в записной книжке: «Антонио. Танец <З. И.> Бородиной»²⁶.

3 ноября. ««Моя мама вся в часах» была снесена в цензуру. Говорили с <сотрудником Гублита С. А.> Воскресенским. Договорились о просмотре спектакля не читая вещи». Написано стихотворение «Друг за другом шёл на род...».

4 ноября. Запланированная репетиция спектакля «Моя мама вся в часах» в ГИНХУКе не состоялась. Хармс отметил в записной книжке: «Режиссеры не пришли, и артисты вскоре разошлись»²⁷.

6 ноября. «Был Заболоцкий. У Кацмана»²⁸ <...>.

²⁵ Ср. его запись: «(Репетиция в 1 ч. <дня> И. Х. К. Надеюсь будет)» (Хармс 2002а: 79).

²⁶ См. составленный Хармсом реестр репетиций инсценировки «Моя мама вся в часах» в его записной книжке № 8 (Хармс 2002а: 90, ср. также на стр. 84):

Репетиции «РАДИКСА» в Институте Художественной Культуры (Инхуке) у Казимира Северьяновича <sic!> Малевича.

I (10) 18 окт. <имеется в виду 10-я репетиция по общему счету. — А. У., И. Л.>.

II (11) 20 окт.

III (12) 21 окт. для шестёрки

IV (13) 22 октября

V (14) 26 октября Антонио. Танец Бородиной.

VI (15) 4 ноября. Режиссёры не пришли, и артисты вскоре разошлись.

VII (16) 10 ноября. Радикс рухнул.

Даниил Хармс

Георгий Кацман

²⁷ См. список Хармса «Главные роли в «Моя мама вся в часах»» и соответствующий реестр посещения актерами репетиций (Хармс 2002а: 91–92). Так, Вигилянский, который должен был сыграть роль «Папаша», отсутствовал только на репетициях 29 сентября и 2 октября.

²⁸ 8 ноября Хармс присутствовал «в челобитне» на чтении Заболоцкого и сделал следующие заметки в записной книжке № 8:

10 ноября. Хармс отметил в записной книжке: «Репетиция <Радикса> в 1 ч. дня. Забрали Заболоцкого и Вигилиянского». «10 ноября. Радикс рухнул»²⁹.

12 ноября. Хармс, Бахтерев, Цимбал, Кацман³⁰ выступали на вечере ЛО ВСП. <...>. (Крусанов 2003: 425–427).

Заболоцкий. 8 ноябр<я> вставали в война вставала кабы серебряные ложки им пус тополь жил цвёл король стекал стёкла волновался в бурном вальсе	Морская Фула угрюмо бесилась Восстание Симфон. крестьянск. хвоста перерезая рыба
--	---

(Хармс 2002а: 93). Дешифровку этих «столбцов» Хармса см.: (Устинов, Лоцилов 2020а: 520–521). Позже он также запишет вариацию на не дошедшие до нас строки Заболоцкого:

Морская фулла
бёбился?
твоих хрыдающих хграмад
бох венох

(Хармс 2002а: 137).

9–10 декабря 1926 г. Хармс отмечает в записной книжке № 8 стихотворение «Поход Заболоцкий» и следом вносит заметки об услышанных им других стихах своего товарища:

в ушах свистела Балаганом
Собачья нога
Шипел
свертелись дорогá
очень много рифмует строк

(Там же: 115).

Эти запомнившиеся ему строки впоследствии трансформируются в персонажа сказа Хармса «Экспромт»: «Как известно у полупоэта Бориса Пастернака была собака по имени Балаган» (Дневниковые записи... 1991: 575).

²⁹ Еще за день до этого события Хармс строит литературные планы, которые излагает в записной книжке № 8:

Что мне делать! Что мне делать! Как писать? В меня прёт смысл. Я ощущаю его потребность. Но нужен ли он? Бог помощи. И вам того же.

9 ноября.

Два человека, Введенский и Заболоцкий, мнения которых мне дороги. Но кто прав — не знаю. Возможно, что стихотворение, одобренное тем и другим, есть наиболее правильное. Такое суть пока «Комедия Города Петербурга». Я же лично стою за «Казачью смерть». Если оно оправдается целиком, я буду рад.

Достоевского «Дядюшкин Сон».

Инсценировка — под комедию.

(Дневниковые записи... 1991: 443). Очевидно, что последняя запись имеет отношение к будущим выступлениям «Радикса», которым не суждено было состояться.

³⁰ В течение этих месяцев Кацман активно присутствует в жизни Хармса — первую запись он делает в начале мая 1926 г.: «Кацман Георг<ий> Ник<олаевич>» (Хармс 2002а: 67). И далее, например: «24 ноябр<ря>. Сидел с Гагой на письменном столе» (Там же: 104); 9 января 1927 г.: «Гага сказал, что лоб у меня как Скеттинг-Ринг» (Дневниковые записи... 1991: 443); 14 января: «Гага сказал: когда люди сходят с ума, то это очень хорошо с той стороны, что это служит доказательством того, что у них был преждний <sic!> ум» (Хармс

Запись Хармса «Забрали Заболоцкого и Вигилянского» подразумевает их призыв на военную службу³¹, однако, в отличие от «Радикса», *Левый Фланг* тогда отнюдь не «рухнул». Напротив, два дня спустя группировка выступила в ленинградском Союзе поэтов в своем боевом составе: Введенский, Бахтерев, Цимбал, Кацман и Хармс³², — который записал свои планы на выступление: «В пятницу 12 ноября хочу прочесть: “Комедию города Петербурга 1 ч<ась>”, “Китобой”, “Казачью смерть” и на бис “Историю одной войны”. Шуре <Введенскому> советую прочесть: “Воспитание души”, “Отрывки из русского чтения”. На бис прочесть “Буря и дядя”. *) 2-ая вариация 1. “Вьется речка долгополая”. 2. “Сиси Пикалка”. 3. “Воспитание души”. На бис “Буря и Дядя”. 3-я вариация “А он неоднократно видел сон”, “Платон”, “Абеляр”, “Буря и дядя”, “Ответ девы”» (Хармс 2002а: 93–94). Эта программа чтения показывает, насколько Хармс был увлечен своей новой группировкой, в которой он, а не Туфанов, выступал безусловным лидером³³.

Сын Заболоцкого пишет в биографии отца:

В начале ноября 1926 года Заболоцкий был зачислен в команду краткосрочников 59-го стрелкового полка 20-й пехотной дивизии, где в течение года он отбывал воинскую повинность. <...> В черновике своей автобиографии Заболоцкий написал: «Служба была нелегкой, но зато хорошо слаженной, сытной и дисциплинированной. <...> Служить предстояло здесь же, в Ленинграде, в части, расположенной на окраине Выборгской стороны, в подразделении призывников-краткосрочников, в основном набранных из ленинградской интеллигенции.

<...> Вскоре Заболоцкому удалось найти применение своим литературным и художественным способностям — Николай Алексеевич стал редактором стенгазеты части. Возможно, в газете работали служившие в той же части и хорошо знавшие *левофланговцев* художник В<ладимир> Стерлигов³⁴ и активный участник «Радикса» поэт Е<вгений> Вигилянский. В автобио-

---

2002а: 125); 19 февраля: «Гага сказал: Родился осенний кирпич» (Там же: 137). Наконец, тревожная запись: «Суббота 16 апр<еля> в 2 часа дня арест Гаги К.» (Там же: 151), — результат неудачной попытки Кацмана переплыть на лодке границу с независимой Эстонией. Последующие записи Хармса связаны со ссылкой Кацмана. 6 июля он отмечает в записной книжке № 9: «Послать Гаге открытку» (Там же: 161); чуть позже: «Корреспонденция. Письмо Заболоцкому. Письмо Гаге» (Там же: 164); и последняя запись 19 июля: «Узнать все последние сведения о Гаге» (Там же: 170).

³¹ Хармс записывает их место несения службы: «Выборжские казармы, рота краткосрочников 70-0» (Хармс 2002а: 110). Ср. также его пометку, сделанную на исходе 1926 г. в записной книжке № 8: «Купить такую же книжку, как эта + 65 к<опеек> *) <...> *) Подарил Н. А. Заболоцкому» (Там же: 122).

³² Ср. запись Хармса: «Наше выступление в Союзе Поэтов» (Хармс 2002а: 80).

³³ Для другого «вечера нашего в Пищевкусе» 24 ноября Хармс записывает порядок выступающих: «Кацман, Бахтерев, Цимбал, Введенский, Хармс <...>, Ник Кацман...», но «ВЕЧЕР НЕ состоялся» (Хармс 2002а: 101). Как справедливо определил В. Сажин, «Пищевкус — Центральный клуб пищевикусов им. тов. Зиновьева (Союза работников пищевой и вкусовой промышленности); адрес: ул. Правды, д. 10» (Хармс 2002б: 248).

³⁴ Сразу по завершении военной службы Стерлигов становится учеником Малевича.

графии Заболоцкий с гордостью писал: «Наша большая стенгазета, в редакцию которой я входил, считалась лучшей стенгазетой в округе».

Не забывали своего собрата и *левофланговцы* — они приезжали в казармы на Выборгской стороне, чтобы навестить Заболоцкого, Вигилянского и Стерлигова, дважды в течение зимы 1926–1927 годов в воинской части устраивались поэтические выступления «Левого фланга» (Заболоцкий 1998: 97–98).

20 ноября Хармс отмечает в записной книжке № 7, точнее, блокноте: «Допризыв<ная> подготовка. Послать письмо Н<иколаю> З<аболоцкому>. Позвонить Е<вгению> И<вановичу> В<игилянскому>. Достать документы в И<нституте> И<стории> И<скусств>», — а после во вторник, 23-го: «К 12 часам у Н. З<аболоцкого> и Е. В<игилянского>» (Хармс 2002а: 81). Еще раньше, 15 ноября, он пишет стихотворение «Ответ Н. З. и Е. В.» («мы спешим на этот зов / эти стоны этих сов...»), которое заканчивает обещанием визита к ним:

и два воина глядели
ждите нас в конце недели
чай лишь утренний сольют
мы приедем под салют

(Хармс 2002а: 98)³⁵.

С другой стороны, тот факт, что «Радикс рухнул» не отменял надежду на постановку вещи «Моя мама вся в часах», поэтому в тот же день, 23 но-

---

35 Ко времени призывной службы Вигилянского и Заболоцкого относится также набросок стихотворения «Дачная ночь»:

в пеший полк [123] 93
ищут экстренно врага
кто-то много съел блинов
враг приходит осярча
слон купается фурча
у ленивых берегов
ВСЁ 1926 27 ноября

(Хармс 2002а: 108), — и очевидно связанное с этим чтение Хармсом военных произведений Велимира Хлебникова. Строка «в пеший полк 93» — цитата из его стихотворной открытки, посланной в апреле 1916 г. Дмитрию Петровскому из царицынской казармы: «Писал Хлебников: — “Король в темнице, король томится. В пеший полк девяносто третий, я погиб, как гибнут дети, адрес: Царицын, 93-й зап. пех. полк, вторая рота, Виктору Владимировичу Хлебникову”. Я так и ахнул. Хлебников, — солдат запасного полка в Царицыне? Пошел, сказал кое-кому, побрякали, покачали головой, да тем и ограничились. Пошел я к <Георгию> Золотухину, отдал ему свою какую-то украинскую думку, взял 15 руб<лей> и отправился с тем в “пеший полк девяносто третий”» (Петровский 1923: 150). На следующей странице той же записной книжки № 8 Хармс отмечает: «Хлебников. Ночь в Окопе. Ra796» (Хармс 2002а: 109), — очевидно, шифр издания 1921 г. в его любимой Библиотеке новых книг, располагавшейся во дворе дома 40/42 по проспекту 25 Октября. Чуть выше сделана другая библиотечная запись: «Шмаков Великие Арканы. “Пневмология”», — с «Инженером Путей Сообщения» В. А. Шмаковым (1887–1929) и его книгами связана история, которая могла быть известна Хармсу. В игровой рубрике «Резвая утка (Орган праздной мысли)» московской газеты «Раннее утро» в 1913 г. за подписью «Хафиз» было напечатано яркое стихотворение:

ября, в записной книжке № 7 появляется напоминание: «Сходить к Малевичу» (Хармс 2002а: 81)³⁶. Однако тут ему не повезло: за неделю до этого, 15 ноября Малевич ушел с поста директора ГИНХУКа, хотя и оставался еще в институте до его официального закрытия в декабре 1926 года³⁷. Тем не менее, именно после этого визита, видимо, в первых числах декабря просветленный Хармс делает важную отметку в записной книжке № 8: «“Уновис” — утверждающее новое искусство — группа К. С. Малевича в году 1922–23» (впервые — Jaccard, Устинов 1991: 181), — которую можно расценить как его умысел привлечь художника, уже имевшего опыт коллективной литературно-художественной деятельности, к *Левому Флангу* или, даже к новому объединению, которое задумывает Хармс, не только

СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТ

Сердится ужасно
 Строгий прокурор:
 Тратится напрасно
 Весь его задор.
 Грустен Замысловский,
 Мрачен и суров
 Златоуст московский,
 Доблестный Шмаков.
 Оба юдофоба
 Горести полны,
 Ночью видят оба
 Роковые сны.
 Видит Замысловский,
 Что попал Шмаков
 В синагоге шкловской
 В руки резников;
 Там его сурово
 Режут без конца —
 Будет из Шмакова
 Сделана маца...
 Жутким страхом блещет
 Депутата взгляд,
 И во сне трепещет
 Правый депутат...

(Хафиз 1913: 2).

В своем «Полутораглазом стрельце» Бенедикт Лившиц приводит 12 строк из этого стихотворения и комментирует этот казус: «Предвосхищая вероятный исход процесса <дела Бейлиса — А. У., И. Л.>, “Раннее Утро” издевалось над матерыми антисемитами — Замысловским и Шмаковым» (Лившиц 1933: 167). Хармс знакомится с Лившицем, видимо, в Союзе поэтов в феврале 1926 г. и тогда же записывает его адрес в своем блокноте: «Моховая № 3, кв. 31. Бенед<икт> Констант<инович> Лившиц» (Хармс 2002а: 64), — и снова в другом блокноте во второй половине мая (Там же: 71). Во время подготовки вечера ОБЭ-РИУ «Три левых часа» в январе 1928 г. Хармс собирался пригласить Лившица принять участие в диспуте в ленинградском Доме печати, как свидетельствует составленный им в записной книжке № 11 список выступающих: «*На диспут. Литература*. Степанов, Петников, Эйхенбаум, Туфанов, Лившиц. *Театр*. Терентьев, Вейсбрем, Дрейден» (Там же: 194).

³⁶ См. другую помету в той же записной книжке, сделанную 12 декабря 1926 г.: «Казимир Северьянович <sic!> Малевич» (Хармс 2002а: 83).

³⁷ См. подробнее: (Александр Туфанов... 2010: 242).

в связи с концом «Радикса», но и по причине расхождения с Бахтеревым. «В каждом человеке есть кое-что неприятное, — признается он в записной книжке № 8, — а может быть, против некоторых черт нет у тебя соответственного, и ты ссоришься с человеком. Так я поссорился с Игорем Бахтеревым. Д. Х. 16 декабря» (Хармс 2002а: 116).

Возможно предположить, что эти разногласия были в первую очередь вызваны срывом спектакля «Моя мама вся в часах», но, к счастью для *Левого Фланга*, эта ссора оказалась непродолжительной³⁸ и, в том числе, способствовала «перемене фамилии» литературной группировки Хармса. В середине декабря он вносит в записную книжку № 8 новые «столбцы»:

Предполагаемые члены будущего «Фланга Левых»	
А.И. Введенский	К.С. Малевич
Н.А. Заболоцкий	Н.<П> Дмитриев
И.В. Бахтерев	С.Л. Цимбал
Д.И. Хармс	

<И.М.> Синельников
 А.В. Туфанов
 Е.И. Вигилянский
 <П.Н.> Матвеев из Университ<ета>
 Г.Н. Матвеев из Владивостока

Перечень названий для «Фланга Левых» (Хармс 2002а: 116).

Приблизительно через неделю, 23 декабря Хармс делает еще одну запись, имеющую отношение к организации новой литературно-художественной группы с участием Малевича:

Вопрос о Вагинове.

Сделать заседание с:

Малевич
 Введенский
 Заболоцкий
 Бахтерев
 Хармс
 Вагинов

Решили без Вагинова. (впервые — Jaccard, Устинов 1991: 181).

Заседание продолжается в течение нескольких дней и Хармс фиксирует его подробности на двух страницах той же записной книжки:

³⁸ Несмотря на завершение деятельности «Радикса», *Левый Фланг* продолжил свою активную деятельность в первой половине декабря. «Подано Заявление 9 декаб<ря> в Кружок Друзей Камерной музыки о разрешении литературно-левого утренника», — записывает Хармс и далее: «Договор с Домом Искусств об устройстве вечеров Левого Фланга, а потом поочередно всего Союза <поэтов>» (Хармс 2002а: 115). Ср. также запись 17–18 декабря: «Кружок Друзей Камерной музыки. 533–08» (Там же: 116).

Беседа с К. С. Малевичем

- 1) Абсолютное согласие К. С. на вступление в нашу организацию.
- 2) Сколько активных человек дает он I разряда. (мы 4 челов<ека>)
- 3) Сколько II разряда.
(мы 7 челов<ек>)
- 4) Дает ли он нам помещение
(для [закрытых] малых заседаний комнату предоставим)
- 5) Связь с ИНХУК'ом.
- 6) Сколько очков под зайцем
(мы: граммофон плавает некрасиво)
- 7) О названии (невозможность «Уновиса»)
  - 1) Косая известность.
  - 2) Не оправдаем начального существ<ования>.
  - 3) Возрождение недолговечного.
- 8) Какова верховная власть?
(Мы предлаг<аем> Малев<ича>
Введенск<ого>
Бахтерева
Хармса)
- 9) Принцип Объединенья?

(Мы — основной
стержень дают 4 вер-
ховных челов<ека>, а может
быть вообще группа
I-го разряда?)
- 10) Срок первого собрания?
- 11) Сколько человек III разряда?
(Мы — 20 человек)
- 12) На каких основаниях входят члены III-го разряда (Хармс 2002а: 121).

Новый 1927-й год начинается для *Фланга Левых* достаточно бурно — дни Хармса буквально расписаны:

В ночь с 3–4 января 1927 г.

- 1) Переписать стихи
- 2) Сочинить письмо миллиардеру
- 3) Составить тезисы на завтра
- 4) Лечь спать не позднее трёх (3) часов

На 4 января

- 1) Повесить плакат на Невском
- 2) К часу быть в ИНХУКе
- 3) После ИНХУКа зайти в Камерный.
- 4) Зайти к <Николаю> Ключеву (Хармс 2002а: 123), —

и, конечно же, заслуживают отдельной экспликации. В первом пункте его плана «На 4 января» речь идет об афише для спектакля «Моя мама вся в часах». Во втором — о посещении Малевича, который сдавал дела: по распоряжению Главнауки «1 января 1927 года ГИНХУК был интегрирован в состав Отдела <истории> изобразительных искусств *Государственного Института Истории Искусств* (ГИИИ)» (Jaccard 1991: 344).

«Что касается даты прекращения работы Малевича в Институте Истории Искусств, то почти все исследователи ошибочно указывают 1929 год, — замечает К. Кумпан. — Это выглядит по крайней мере странно, ибо приходится предположить, что им осталось неизвестным письмо в Глави-искусство, благодаря которому летом 1929 года он и его коллеги были восстановлены в ГИИИ» (Кумпан 2004: 351). Она же устанавливает корректные сроки его работы в ГИИИ: «Малевич приступил к своим обязанностям заведующего Экспериментальной лабораторией <по изучению современного изобразительного искусства. — А. У., И. Л.> не ранее 3 января 1927 года, а отчислен из ГИИИ был 1 мая 1930 года» (Там же), что означает, что Хармс навещал художника уже не в ГИНХУКе, а в своей собственной alma mater, где он начал занятия на кино-отделении Курсов искусствоведения 25 октября 1926 г.³⁹, которые так никогда и не закончил⁴⁰.

Наконец, третий пункт связан с подготовкой того самого «литературно-левого утренника», заявление на проведение которого было «подано» 9 декабря⁴¹ и который состоялся через несколько дней. «Выступление Левого Фланга Поэтов в Кружке Друзей Камерной музыки 9-го января 1927 года, — записал Хармс. — С собой я недоволен» (Хармс 2002а: 123). Немедленно после этого фиаско он начинает планировать новое появление на публике *Фланга Левых*, пытаясь добиться оптимального, по его мнению, порядка выступающих:

I
Введенский
Бахтерев
Вигилянский

³⁹ Ср. его отметку в ежедневнике для «Понедельн<ика> 25 «октября»: «С этого дня регулярно хожу в И<нститут> И<стории> И<скусств>» (Хармс 2002а: 79).

⁴⁰ См. также публикуемую К. Кумпан депешу, в которой оговаривается, что по причине «болезни Директора Института К. С. Малевича, назначенная на 28 сего [1926 г.] декабря сдача имущества ГИНХУКа и прием его Гос<ударственным> Институтом истории искусств состояться не могли, и [ГИНХУК] просит отложить таковые до 3 января 1927 г., когда по акту будут сданы ГИИИ все дела ГИНХУКа и фактически произойдет слияние обоих институтов...» (Кумпан 2004: 351, прим. 12).

⁴¹ См. выше примечание 38.

Заболоцкий
Вагинов
Хармс

II

Бахтерев
Вигилянский
Заболоцкий
Вагинов
Введенский
Хармс, —

обратим внимание, что в обоих вариантах Хармс непременно ставит себя последним. Следом он записывает стихотворение, посвященное Николаю Клюеву, которого он периодически навещал в эти годы. Самым замечательным в этом четверостишии оказывается то, как он называет Бахтерева «чинарём» — подтверждение тому, что их декабрьская ссора себя исчерпала:

Н. К<люев>у.

Друг малиновый Никола
мир талантом ослепи
чинаря с лицом монгола
Игоря Бахтерева слепи.

(Хармс 2002а: 124)⁴².

Тем же днем в его записной книжке № 8, как справедливо заметил В. Сажин (Хармс 2002b: 255), помечено другое выступление — в «Полку 59», так что можно предположить, что Хармс всё-таки добрался до «Выборжских казарм» и навестил Вигилянского и Заболоцкого. Последний также фигурирует в программе, но дата всё же представляется ошибочной, потому что сразу же следом идет запись: «В субботу вечер у Заболоцкого. 12 февр<аля>. Начало в 8 часов»⁴³. Однако составленная Хармсом програм-

⁴² Ср. записи Хармса 13 января: «Сходить к 4 часам к Игорю Бахтереву»; и 29 января: «Тема Игорю Влад<имировичу> Бахтереву к рисунку. — Провизор: человек из различных пузырьков и бутылочек» (Хармс 2002а: 124, 128).

⁴³ См. также набросок стихотворения Хармса, обращенного к Заболоцкому, записанный 7 февраля 1927 г.:

Может ты Никола вспомнишь
Эту улицу и дом
Нет не храм а только дом лишь
и поэта в доме том.

(Хармс 2002а: 132).

Здесь же Хармс делает очередные заметки о стихах Заболоцкого:

Заболоцкий

I Еще пустыми кулаками

ма заслуживает внимания хотя бы уже потому, что предполагала участие Александра Туфанова, исключенного из новой группировки, в которую был приглашен Малевич:

Туфанов — доклад
Заболоцкий — Красная Бавария. Красноармейск^е ведени^е
Хармс — Сказка кататься. [(Вьюшка Смерть)]. История одной войны
Туфанов.

Туфанов
Заболоцкий — Поход. Футбол.
Хармс — (Разбойники). Наук^а о Совр^еменной Добrote (Хармс 2002а: 134).

В середине января 1927 года Хармс задумывает сборник участников *Фланга Левых*, включая Малевича. В предполагаемом содержании под именем «Кох-Ботт» скрыт Гага Кацман:

МАТЕРЬЯЛ К ИЗДАНИЮ

Введенский [Скачут] Едут люди на осле
Едет нимфа а не князь

Хармс
Заболоцкий
Вагинов
Бахтерев
Дмитриев
Кох-Ботт статьи:
«Мьюзик Холл»
«Бессюжетный балет»

Малевич
Бахтерев *статьи:*
Живописная ст^атья. (Хармс 2002а: 126)⁴⁴.

II — III *офорт*

IV Кавказ налево
и мусульманскою пеленкой
младенца кинь за ворота.

«Пустые кулаки» здесь, вероятно, отсылают к раннему варианту «Дуэли» (1926): «В подозрный моргая кулак»; «Склоняясь в кулак с позевойтой» (Заболоцкий 2016: 59, 61). Кроме названного программного стихотворения «Офорт», под № 4 опознается «Столбец о Черкешенке»: «И выплывает вдруг Кавказ» (Там же: 15), который и вдохновил Хармса на сочиненное им двустушие. В книге Заболоцкого *Столбцы* (Ленинград, 1929) «Черкешенка» следует сразу же после «Офорта» (Там же: 14–16).

⁴⁴ См. также запись несколько дней спустя: «Ночью обсудить о матерьяле» (Хармс 2002а: 127), а также записи за два первых месяца 1927 г., имеющие отношение к групповой деятельности *Фланга Левых*: «На 31 января 1927. <...> После обеда звонить Игорю и может быть, пойти в Инхук» (Хармс 2002а: 131). «На 20 февраля. К 3 часам быть у Бахтерева, к 9 часам на Николаевском. Потом так в 4–5 звонить Заболоцкому» (Хармс 2002а: 137). «Читал прошлую пятницу, т. е. 18 марта, в Доме печати на собрании Лапп'а <Ленинградской ассоциации пролетарских писателей. — А. У. И. Л.>. Прочел много. Там же встретил Ваньку Приблудного. Он уже давно не писал стихов. Занялся Спортм. Читает он теперь значительно хуже: Утерял свою певучесть» (Хармс 2002а: 139).

Кроме того, середину января 1927 года можно считать завершением его предыдущего поэтического «направления Взирь Зауми». Дополнительно об этом свидетельствует его пометка на выступлении Александра Туфанова в Союзе поэтов (см.: Дневниковые записи... 1991: 511–513): «*О зауми Ироническое*. Сижу и слушаю. Туфанов читает» (Хармс 2002а: 126; курсив наш. — А. У., И. Л.). Хармс категорически отказывается от *зауми*, в том числе, чтобы в принципе снять ассоциацию с придуманным Туфановым «Орденом заумников DSO» (см.: Дневниковые записи... 1991: 530–531). Именно поэтому в статье «Поэзия обэриутов» появляется соответствующее утверждение: «Мы, обэриуты, честные работники своего искусства. Мы поэты нового мироощущения и нового искусства. Мы — творцы не только нового поэтического языка, но и создатели нового ощущения жизни и ее предметов. <...> Кто-то и посейчас величает нас “заумниками”. Трудно решить, — что это такое, сплошное недоразумение или безысходное непонимание основ словесного творчества? Нет школы более враждебной нам, чем заумь» (ОБЭРИУ 1928: 11).

Едва ли не единственный раз, когда он вспомнит об этом периоде своего поэтического роста, случится почти десять лет спустя, когда он сядет сочинять стихотворения для своей второй жены Марины Малич, одно из которых он назовет «Заумная песенка» (Дневниковые записи... 1991: 570).

Тем временем, Малевич готовится к своему европейскому турне и «при помощи своих учеников Анны Лепорской, Константина Рождественского и Льва Юдина заканчивает серию из 22-х объяснительных таблиц, используемых им как визуальная опора при чтении лекций о значении “прибавочного элемента” и его пользе для художественного образования» (Йоустен 1988: 81–85). Наконец, в первую неделю марта он отправился в Польшу⁴⁵ и, как установил Троэльс Андерсен, 8-го марта благополучно прибыл в Варшаву (Andersen 1970: 13)⁴⁶.

⁴⁵ См. мемуарную реплику Кацмана, из которой следует, что : «Вскоре он уехал в Варшаву, где выполнял какой-то заказ, и «Радикс» распространился чуть ли не по всему институту (цит. по: Введенский 1994: 129–130).

⁴⁶ В своей монографии Анджей Туrowski высказывает сомнения о точности этой даты:

Precyzyjna data przyjazdu Kazimierza Malewicza do Warszawy nie jest znana. Powtarzany we wszystkich biografiach, zapewne za Andersenem, wtorek 8 marca 1927 roku nie znajduje potwierdzenia w dokumentach. Wiadomości agencyjne w prasie polskiej o przyjeździe Kazimierza Malewicza pojawiły się wcześniej. Zapewne zostały one podane przez Polską Agencję Telegraficzną i przedrukowane w kilku dziennikach. Już w czwartkowym wydaniu z 3 marca 1927 roku belwederski „Głos Prawdy” pisał w czasie przeszłym, iż „w tych dniach przybył z Moskwy do Warszawy p. Kazimierz Malewicz, malarz i architekt, twórca kierunku w malarstwie t.zw. suprematyzmu”. Podobną informację w numerze z 6 marca zamieściło wpływowe pismo związane z obozem sanacyjnym, warszawskie „ABC”, uzupełniając jedni poprzedni anons informacją, iż jest on dyrektorem Instytutu Artystycznego w Petersburgu. Wreszcie, dzień później, krakowski „Głos Narodu” powtórzył niewiele różniącą się od poprzednich notatkę o przyjeździe artysty z Moskwy do Warszawy (Turowski 2002: 140).

Как вспоминал Георгий Кацман, хорошие отношения Малевича с чинарjami сохранялись вплоть до его отбытия в Европу: «Вскоре он уехал в Варшаву, где выполнял какой-то заказ, и “Радикс” <то есть *Фланг Левых*. — А. У., И. Л.> распространился чуть ли не по всему институту» (Введенский 1993: 130).

ЛИТЕРАТУРА

- «Александр Туфанов и московские футуристы». Публ. Ж.-Ф. Жаккара и А. Устинова. *Vadetesit: К 65-летию Лазаря Флейшмана*. Сост. и ред. А. Устинова. Москва: Водолей 2010: 240–246.
- Бахтерев Игорь. «Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ)». *Воспоминания о Н. Заболоцком*. Сост. Е. В. Заболоцкая, А. В. Македонов, Н. Н. Заболоцкий. Изд. 2-е., доп. Москва: Советский писатель. 1984: 57–100.
- Введенский Александр. *Полное собрание произведений в двух томах*. Т. 2: *Произведения 1938–1941; Приложения*. Москва: Гилея, 1993.
- «вокруг уг хар мса». Публ., предисл. и прим. Владимира Эрля. *Транспонанс* 21 (1984): 99–129.
- Григар Моймир. «Мировоззрение Малевича: Противоречивость и целостность». *Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н. И. Харджиева*. Под ред. М. Мейлаха и Д. Сарабьянова. Москва: Языки русской культуры, 2000: 225–237.
- «Дневниковые записи Даниила Хармса». Публ. А. Устинова и А. Кобринского. <Вступ. ст. и коммент. А. Устинова>. *Минувшее: Исторический альманах*. 11. Paris: Atheneum, 1991: 417–583.
- Заболоцкий Никита. *Жизнь Н. А. Заболоцкого*. Москва: Согласие, 1998.
- Заболоцкий Николай. *Столбцы*. Изд. подг. Н. Заболоцкий, И. Ложилов. (Литературные памятники). Москва: Наука, 2016. 530 с.
- Крусанов Андрей. «Хроника жизни и творчества Даниила Хармса». Хармс Даниил. *Случаи и вещи*. Сост. и прим. А. Дмитренко и В. Эрля. Подг. текстов В. Эрля. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2003: 413–482.
- Кумпан Ксения. «Казимир Малевич и сотрудники ГИНХУКа в ГИИИ (по материалам Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга)». *Pietroburgo capitale della cultura russa*. A cura di Antonella d'Amelia. II. (Europa Orientalis. 5). Salerno: Università degli studi di Salerno, 2004: 349–406.
- Лившиц Бенедикт. *Полтораглазый стрелец: Воспоминания*. Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1933.
- Малевич Казимир. *Поэзия*. Под ред. А. Шатских. Москва: Эпифания, 2000. 176 с.
- Малевич Казимир. *Собрание сочинений*. В 5 т. Т. 5: Произведения разных лет. Под ред. А. Шатских. Москва: Гилея, 2004с. 620 с.
- Малевич о себе. Современники о Малевиче: Письма. Документы. Воспоминания. Критика*. В 2 т. Авторы-составители И. Вакар, Т. Михиенко. Т. I. Москва: РА, 2004а. 584 с.
- Малевич о себе. Современники о Малевиче: Письма. Документы. Воспоминания. Критика*. В 2 т. Авторы-составители И. Вакар, Т. Михиенко. Т. II. Москва: РА, 2004б. 680 с.
- Маркадэ И. «Малевич и православная иконография». *Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н. И. Харджиева*. Под ред. М. Мейлаха и Д. Сарабьянова. Москва: Языки русской культуры, 2000: 167–173.
- ОБЭРИУ. *Афиши Дома печати* 2 (1928): 11–13.
- Петровский Дмитрий. «Воспоминания о Велимире Хлебникове». *ЛЕФ* 1 (1923): 143–171.
- Ракитин Василий. «Казимир Малевич. Письма с Запада». *Русский авангард в кругу европейской культуры*. Москва: Радикс, 1994: 438–445.
- Сигей Сергей. «еретические утверждения». *Терентьевский сборник 1996*. Под ред. С. Кудрявцева. Москва: Гилея, 1996: 216–224.
- Хармс Даниил. *Записные книжки. Дневник*. В 2 кн. Подг. текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Сажина. Вступ. ст., прим. В. Сажина. Кн. I. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002а. 480 с.

- Хармс Даниил. *Записные книжки. Дневник*. В 2 кн. Подг. текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Сажина. Вступ ст., прим. В. Сажина. Кн. 2. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002b. 416 с.
- Хафиз. «Судебный отчет». *Раннее утро* 273 (15 октября 1913): 2.
- Andersen Troels. *Malevich. Catalogue raisonné of the Berlin Exhibition 1927, including the collection in the Stedelijk Museum Amsterdam, with a general introduction to his work*. Amsterdam: Stedelijk Museum, 1970.
- Jaccard Jean-Philippe, Устинов Андрей. «Заумник Даниил Хармс: Начало пути». *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27 (1991): 159–228.
- Jaccard Jean-Philippe. *Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe*. Bern: Peter Lang, 1991. (Slavica Helvetica. Bd. 39).
- Turowski Andrzej. *Malewicz w Warszawie: rekonstrukcje i symulacje*. Kraków: TAIWPN UNIVERSITAS, 2002.

REFERENCES

- “Aleksandr Tufanov i moskovskie futuristy”. Publ. Zh.-F. Zhakkara i A. Ustinova. *Vademecum: K 65-letiju Lazarja Flejshmana*. Sost. i red. A. Ustinova. Moskva: Vodolej 2010: 240–246.
- Andersen Troels. *Malevich. Catalogue raisonné of the Berlin Exhibition 1927, including the collection in the Stedelijk Museum Amsterdam, with a general introduction to his work*. Amsterdam: Stedelijk Museum, 1970.
- Bahterev Igor'. “Kogda my byli molodymi (Nevydumannyj rasskaz).” *Vospominaniya o N. Zabolockom*. Sost. E. V. Zabolockaja, A. V. Makedonov, N. N. Zabolockij. Izd. 2-e., dop. Moskva: Sovetskij pisatel'. 1984: 57–100.
- “Dnevnikovyje zapisi Daniila Harmsa”. Publ. A. Ustinova i A. Kobrinskogo. <Vstup. st. i koment. A. Ustinova>. *Minuvshee: Istoricheskij al'manah*. 11. Paris: Atheneum, 1991: 417–583.
- Grigar Mojmir. “Mirovoztrenie Malevicha: Protivorechivost' i celostnost'”. *Poezija i zhivopis': Sbornik trudov pamjati N. I. Hardzhieva*. Pod red. M. Mejlaha i D. Sarab'janova. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 2000: 225–237.
- Hafiz. “Sudebnyj otchet”. *Ranee utro* 273 (15 oktjabrja 1913): 2.
- Harms Daniil. *Zapisnye knizhki. Dnevnik*. V 2 kn. Podg. teksta Zh.-F. Zhakkara i V. Sazhina. Vstup st., prim. V. Sazhina. Kn. 1. SPb.: Akademicheskij proekt, 2002a. 480 s.
- Harms Daniil. *Zapisnye knizhki. Dnevnik*. V 2 kn. Podg. teksta Zh.-F. Zhakkara i V. Sazhina. Vstup st., prim. V. Sazhina. Kn. 2. SPb.: Akademicheskij proekt, 2002b. 416 s.
- Jaccard Jean-Philippe, Ustinov Andrej. “Zaumnik Daniil Harms: Nachalo puti”. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 27 (1991): 159–228.
- Jaccard Jean-Philippe. *Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe*. Bern: Peter Lang, 1991. (Slavica Helvetica. Bd. 39).
- Krusanov Andrej. “Hronika zhizni i tvorchestva Daniila Harmsa”. Harms Daniil. *Sluchai i veshhi*. Sost. i prim. A. Dmitrenko i V. Erlja. Podg. tekstov V. Erlja. Sankt-Peterburg: Vita Nova, 2003: 413–482.
- Kumpan Ksenija. “Kazimir Malevich i sotrudniki GINHUka v GIII (po materialam Central'nogo gosudarstvennogo arhiva literatury i iskusstva Sankt-Peterburga)”. *Pietroburgo capitale della cultura russa*. A cura di Antonella d'Amelia. II. (Europa Orientalis. 5). Salerno: Università degli studi di Salerno, 2004: 349–406.
- Livshic Benedikt. *Polutoraglazij strelec: Vospominaniya*. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1933.
- Malevich Kazimir. *Poezija*. Pod red. A. Shatskih. Moskva: Jepifaniya, 2000. 176 s.
- Malevich Kazimir. *Sobranie sochinenij*. V 5 t. T. 5: Proizvedeniya raznyh let. Pod red. A. Shatskih. Moskva: Gileja, 2004c. 620 s.
- Malevich o sebe. Sovremenniki o Maleviche: Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniya. Kritika*. V 2 t. Avtory-sostaviteli I. Vakar, T. Mihienko. T. I. Moskva: RA, 2004a. 584 s.
- Malevich o sebe. Sovremenniki o Maleviche: Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniya. Kritika*. V 2 t. Avtory-sostaviteli I. Vakar, T. Mihienko. T. II. Moskva: RA, 2004b. 680 s.

- Markade I. "Malevich i pravoslavna ikonografija". *Pojezija i zhivopis': Sbornik trudov pamjati N. I. Hardzhieva*. Pod red. M. Mejlaha i D. Sarab'janova. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 2000: 167–173.
- OBERIU. *Afishi Doma pechati* 2 (1928): 11–13.
- Petrovskij Dmitrij. "Vospominanija o Velimire Hlebnikove". *LEF* 1 (1923): 143–171.
- Rakitin Vasilij. "Kazimir Malevich. Pis'ma s Zapada". *Russkij avangard v krugu evropejskoj kul'tury*. Moskva: Radiks, 1994: 438–445.
- Sigej Sergej. "ereticheskie utverzhenija". *Terent'evskij sbornik 1996*. Pod red. S. Kudrjavceva. Moskva: Gileja, 1996: 216–224.
- Turowski Andrzej. *Malewicz w Warszawie: rekonstrukcje i symulacje*. Kraków: TAiWPN UNIVERSITAS, 2002.
- "vokrug harmsa". Publ., predisl. i prim. Vladimira Erlja. *Transponans* 21 (1984): 99–129.
- Vvedenskij Aleksandr. *Polnoe sobranie proizvedenii v dvuh tomah*. T. 2: Proizvedenija 1938–1941; Prilozhenija. Moskva: Gileja, 1993.
- Zabolockij Nikita. *Zhizn' N. A. Zabolockogo*. Moskva: Soglasie, 1998.
- Zabolockij Nikolaj. *Stolbcy*. Izd. podg. N. Zabolockij, I. Loshhilov. (Literaturnye pamjatniki). Moskva: Nauka, 2016. 530 s.

Андреј Устинов, Игор Лошчилов

ЦРНИ КВАДРАТ И БЕЛИ СТО:
„ЧИНАРИ“, „РАДИКС“ И КАЗИМИР МАЉЕВИЧ

Резиме

Рад је посвећен реконструкцији историје односа између лењинградских песника који су били део авангардних група „Лево крило“ и „Радикс“ са Казимиром Маљевићем и његовим ученицима током 1926. и почетком 1927. године. Аутори скрећу пажњу на неуморне организационе активности Данила Хармса на консолидацији „левих снага“ и уједињавању пријатеља и истомишљеника у креативне групе будућих Обериута са Институтом за уметничку културу (ГИНХУК) и Институтом за историју уметности (ГИИИ).

Кључне речи: Казимир Маљевић, Данил Хармс, „Лево крило“, „Радикс“, Николај Заболоцки, Игор Бахтерјејв, ГИНХУК, ГИИИ.